

Ответ Фюрера Даладье

Берлин, 27 августа 1939 г.

Уважаемый президент-министр!

Я понимаю вашу обеспокоенность. Я тоже никогда не упускал из виду высокую обязанность, возложенную на тех, кто определяет судьбу народов. Как бывший фронтовик, я, как и вы, знаю ужасы войны. Основываясь на таком отношении и понимании, я также приложил искренние усилия для устранения всех источников конфликта между нашими двумя народами.

Я когда-то открыто заверил французский народ, что возвращение Саарского региона будет предпосылкой для этого. После этого возвращения я немедленно торжественно подтвердил свой отказ от любых дальнейших претензий, которые могли бы затронуть Францию. Немецкий народ одобрил мою позицию. Как вы могли убедиться сами во время вашего последнего визита сюда, он не испытывал и не испытывает никакой обиды или даже ненависти к своему некогда храброму противнику, осознавая свою собственную позицию. Напротив. Умиротворение нашей западной границы привело к росту симпатии, по крайней мере со стороны немецкого народа, симпатии, которая во многих случаях была поистине демонстративна. Строительство великих западных укреплений, поглотивших и продолжающих поглощать миллиарды, представляет для Германии документ, подтверждающий принятие и определение окончательной границы Рейха. Таким образом, немецкий народ отказался от двух провинций, которые когда-то принадлежали старому Германскому Рейху, позднее были отвоеваны ценой большой крови и в конечном итоге были отстояны с еще большей кровью.

Этот отказ, как вы должны признать, Ваше Превосходительство, представляет собой не тактическое отношение, проявляемое внешне, а решение, которое последовательно подкреплялось всеми нашими мерами. Вы не сможете назвать ни одного случая, господин президент-министр, в котором хотя бы одна строчка или речь нарушили бы эту окончательную фиксацию германской правовой границы на Западе. Я считал, что благодаря этому отказу и такому отношению я устранил все возможные источники конфликта между нашими двумя народами, которые могли бы привести к повторению трагедии 1914/18 годов.

Однако это добровольное ограничение уровня жизни немцев на Западе нельзя толковать как принятие версальского диктата, распространяющегося также на все остальные регионы.

Год за годом я пытался добиться пересмотра хотя бы самых невозможных и невыносимых положений этого диктата путем переговоров. Это было невозможно. Необходимость пересмотра была осознана и ясна многим проницательным людям из всех стран. Что бы теперь ни выдвигали против моего метода, что бы ни считали нужным в нем критиковать, нельзя упускать из виду или отрицать, что мне удалось без дальнейшего кровопролития не только найти удовлетворительные решения для Германии во многих случаях, но и что по характеру процедуры я освободил государственных деятелей других стран от обязанности, которая часто была для них невыполнимой, отвечать за этот пересмотр перед своими собственными народами. В конце концов, Вашему Превосходительству придется признать мне в одном: пересмотр должен был произойти. Версальский диктат был невыносим. Ни один честный француз, даже вы, господин Даладье, не поступили бы иначе, чем я, в подобной ситуации. В этом смысле я теперь также попытался устранить самую неразумную меру Версальского диктата.

Я сделал польскому правительству предложение, которое шокировало немецкий народ. Никто, кроме меня, не осмелился бы сделать публичное предложение. Поэтому это может быть только единичный случай. Теперь я глубоко убежден, что если бы вместо того, чтобы развязать дикую кампанию против Германии в прессе и распространить слухи о немецкой мобилизации, особенно из Англии, Польшу каким-то образом убедили быть благоразумной,

Европа могла бы сегодня наслаждаться состоянием глубокого мира в течение 25 лет. Но именно ложь о немецкой агрессии в первую очередь взволновала польское общественное мнение, затруднила польскому правительству принятие собственных необходимых и ясных решений, и, прежде всего, последовавшие за этим обещания гарантий затуманили представление о пределах реальных возможностей.

Польское правительство отклонило эти предложения. Польское общественное мнение, твердо убежденное в том, что Англия и Франция теперь будут сражаться за Польшу, начало выдвигать требования, которые нельзя было бы назвать смехотворным безумием, если бы они не были столь неизбежно опасны. В это время начался невыносимый террор, физическое и экономическое преследование более полутора миллионов немцев на территориях, отделившихся от Рейха. Я не хочу здесь говорить о зверствах, которые произошли. Однако Данциг также все больше осознавал, в связи с постоянными нападками польских властей, что он, по-видимому, безнадежно находится во власти силы, чуждой национальному характеру города и его населения.

Позвольте мне теперь спросить, г-н Даладье, как бы вы поступили как француз, если бы в результате неудачного исхода храброй борьбы одна из ваших провинций оказалась отрезанной коридором, занятым иностранной державой, большой город — скажем, Марсель — не смог бы признать свою преданность Франции, а французы, живущие на этой территории, подверглись бы преследованиям, избиениям, жестокому обращению и даже зверским убийствам?

Вы француз, г-н Даладье, и поэтому я знаю, как бы вы поступили. Я немец, господин Даладье. Не сомневайтесь в моем чувстве чести и долга поступить точно так же. Вот если бы у вас была такая же беда, как у нас. Поймете ли вы, господин Даладье, если Германия захочет без всяких на то оснований настаивать на сохранении коридора через Францию, на том, что украденные территории не должны быть возвращены, а возвращение Марселя Франции должно быть запрещено?

В любом случае, господин Даладье, я не могу себе представить, чтобы Германия воевала против вас по этой причине. Ибо я и все мы отказались от Эльзаса и Лотарингии, чтобы избежать дальнейшего кровопролития; тем меньше мы стали бы проливать кровь, чтобы поддерживать несправедливость, которая была бы невыносима для вас, поскольку она была бы бессмысленна для нас.

Все, что вы пишете в своем письме, г-н Даладье, я чувствую точно так же, как и вы.

Возможно, в некоторых вопросах нам, старым фронтовикам, легче всего понять друг друга;

Но я прошу вас понять и это: для нации чести невозможно отказаться от почти двух миллионов человек и видеть, как с ними плохо обращаются на ее собственных границах.

Поэтому я выдвинул четкое требование: Данциг и коридор должны быть возвращены Германии. Македонские условия на нашей восточной границе должны быть устранены. Я не вижу способа убедить Польшу, которая теперь чувствует себя неприступной под защитой своих гарантий, найти мирное решение этой проблемы. Но я бы отчаялся в достойном будущем моего народа, если бы при таких обстоятельствах мы не были полны решимости решить этот вопрос тем или иным способом. Если судьба сейчас заставит наши два народа снова воевать, то наверняка мотивы будут разными. Я, г-н Даладье, буду бороться вместе со своим народом, чтобы сохранить его. Это тем более трагично, что многие видные деятели вашего народа в то время осознавали абсурдность этого решения, а также невозможность его постоянного применения. Я осознаю серьезность последствий, которые влечет за собой такой конфликт. Но я считаю, что Польше придется нести самое тяжелое бремя, потому что, как бы ни обернулась война по этому вопросу, сегодняшнее польское государство будет либо обречено, либо потеряно.

Тот факт, что нашим двум народам предстоит теперь вступить в новую кровавую войну на уничтожение, весьма болезнен не только для вас, но и для меня, господин Даладье. Однако, как я уже заявил, я не вижу возможности для нас оказать какое-либо разумное влияние на Польшу с целью исправления ситуации, которая невыносима для немецкого народа и

Германского Рейха.

Адольф Гитлер.

sieg-heil.info